

Дементьева В.В. 2003: «Римская конституция»: проблема правовой и исторической корректности понятия // Forum Romanum. Доклады III международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль-Москва, 25-30 июня 2003 г. / В.В. Дементьева (отв. ред.). М., 18-26.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uni Yaroslavl.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

ricevuto l'*auctoritas patrum*. Ma dopo la votazione della *lex Hortensia* ai plebisciti era soggetto tutto il *populus*, cioè sia i plebei che i patrizi.

В.В. Дементьева

«РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ¹

Понятие «римская конституция» и его варианты («конституция Римского государства», «конституция Римской республики» и т. д.) нередко используются в мировой научной литературе: можно вспомнить крупные работы на европейских языках, в самих названиях которых оно присутствует – труды Ф. Де Мартино на итальянском², Й. Бляйкена на немецком³, С. Стэвели и Э. Линтотта на английском⁴, Ж. Б. Мисполе на французском⁵. Список этот можно далеко продолжить. Вместе с тем, применение словосочетания «римская конституция» и его производных нередко вызывает скептическое отношение, основанное на сомнениях в правомерности употребления этого понятия, его юридической и исторической корректности. Поэтому имеется насущная необходимость специально рассмотреть этот вопрос.

В современной юридической литературе конституция обычно понимается как «основной закон», как *lex fundamentalis* государства, как отдельный правовой документ, определяющий общественное и государственное устройство⁶.

Термины для обозначения «основного закона» в новых европейских языках (*constitution* – в английском языке, *costituzione* – в итальянском, *constitution* – во французском, *constitución* – в испанском, *Verfassung* и более архаичное *Konstitution* – в немецком) являются полисемантическими. Они одновременно означают, во-вторых, – учреждение, образование, устройство, составление, в-третьих, – состав чего-либо, в-четвертых, – строение организма, телосложение. Все эти оттенки содержания корнями уходят в общий исходный латинский термин *constitutio*.

¹ Доклад подготовлен в рамках проектов: «Античная государственность: политическая теория и правовые механизмы реализации власти» (УР-10.01.015), программа «Университеты России»; «Римское государство в переломные эпохи: формирование политико-правовых основ Республики и Империи» (грант Минобразования по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02-1.2-535).

² *De Martino F.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958.

³ *Bleicken J.* Die Verfassung der römischen Republik. 7. Aufl. Paderborn, 1995.

⁴ *Stavely E. S.* The Constitution of the Roman Republic // *Historia*. 1956. Bd. V. P. 74-122; *Lintott A.* The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999.

⁵ *Mispoulet J. B.* les Institutions politiques des Romains. Exposé historique des regles de la constitution et de l'administration romaines, depuis la fondation de Rome jusqu'au regne de Justinien. Vol. 1-2. Paris, 1882-1883.

⁶ *Maurer H.* Staatsrecht I. Grundlagen Verfassungsorgane. Staatsfunktionen. 2. Aufl. München, 2001. S. 12-13; *Жудков О. А.* Вступительная статья // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 10.

Первоначальный пласт содержания латинского слова *constitutio* должен, со всей очевидностью, пониматься как «строение» («устройство»), «состояние», на это указывает единство «политического» и «медико-биологического» смысловых оттенков, присущих ему. «Конституция» в применении к государству тоже понимается «органологически»: «государственный организм», «глава (голова) государства», «государственные органы».

Обратим при этом внимание, что именно с латинским термином *constitutio* этимологически связано в новых европейских языках и само понятие «государство». Исходным латинским термином является *status* (состояние, положение); не вызывает сомнения близость глаголов *statuo* и *constituo*. Оба этих глагола означают устанавливать, постановлять, назначать и ряд других родственных понятий. Современные европейские языки сохранили это родство, слова *state*, *stato*, *état*, *Estado* имеют вторыми значениями «состояние», «положение». Понятия «конституция» и «государство», таким образом, «соприкасаются в семантической общности исторически основного значения «состояние»⁷ Следовательно, если рассматривать этимологически, от латинских корней, «конституция государства» – это его состояние, устройство, а само государство – это тоже состояние, устройство, применительно к цивилизованному, политически организованному обществу, к определенному социуму.

Почему же в современной правовой лексике понятие «конституция» означает «основной закон» государства? Следует ли искать корни этого понимания у предшественников римской правовой мысли – греков (наследие которых тоже имело в средневековой Европе свою линию рецепции) или же у преемников римского права в Европе?

Обратимся к греческому наследию. В исследованиях ряда антиковедов (Христиан Майер, Хайнц Монхаупт и др.⁸) убедительно обосновано, что в VI в. до н.э. центральным государственно-правовым понятием была *εὐνομία* (законность, справедливость, хороший порядок). В конце VI–V вв. до н.э. основной «конституционной» категорией для греков становится *ἰσονομία* (равноправие). Х. Монхаупт полагает, что следующим шагом после возникновения термина *ἰσονομία* стало появление понятия *δημοκρατία* как отражения увеличения политического участия народа в управлении, и только затем происходит формирование понятия *πολιτεία* как обобщающего для всех видов государственного устройства греческих полисов⁹ Х. Монхаупт выделяет три значения термина *πολιτεία*: 1. участие каждого в полисной жизни

⁷ Mohnhaupt H., Grimm D. *Verfassung. Zur Geschichte des Begriffs von der Antike bis zur Gegenwart*. Berlin, 1995. S. 2.

⁸ См. Mohnhaupt H., Grimm D. *Op. cit.* S. 5-6. (См. также отличающийся вариант того же сочинения данных авторов: *Geschichtliche Grundbegriffe. Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Berlin, 1990. Bd. 6. S. 833-834.)

⁹ Mohnhaupt H., Grimm D. *Op. cit.* S. 6.

согласно праву гражданина; 2. совокупность и общность граждан, которая конкретизируется в государстве; 3. порядок, при котором граждане в государстве живут, а также форма исполнения власти. Действительно, если мы обратимся к авторам IV в. до н. э., в первую очередь к Платону и Аристотелю, то становится ясно, что они наполняют термин *πολιτεία*, главным образом, содержанием «государственное устройство», т. е. используют его как родовое понятие к терминам олигархия, демократия, аристократия и др.¹⁰ Современные авторы на все европейские языки переводят *πολιτεία* Полибия (VI. 3. 5,7) как «конституция» (например, немецкий автор Х. Эрбзе, голландский профессор Г. Аальдерс, англичанин Э. Линтотт, испанский исследователь Х. М. Алонсо-Нюнес¹¹).

Таким образом, можно утверждать, что греческие мыслители использовали понятие *πολιτεία*, вкладывая в него то же содержание, какое римляне вкладывали в латинское слово *constitutio*, то есть «устройство», причем непосредственно прилагая его государству. Фома Аквинский воспринял греческое понятие «полития» в значении «государственный порядок». Он так пояснил термин Аристотеля: ...quod politia nihil est aliud quam ordo dominatum in civitate» (III. 6. 392).

Итак, мы видим, что греческая мысль выработала понятие *πολιτεία* в значении государственный порядок, но она не применяла никакого понятия, имеющего смысл «основной закон». Хотя собственно понятие «закон», *νόμος*, как известно, для греков было краеугольной категорией политической жизни, идеологии полиса и всего мировоззрения гражданина.

Казалось бы, понятие конституции как «основного закона» появляется в конце XVI в. во Франции и Англии, нередко в научной литературе именно так хронологически и географически локализуют его возникновение. Подчеркнем однако, что первоначально использовалось множественное число «основные законы» *leges fundamentales* (*lois fondamentales* по-французски, *fundamental laws* – по-английски). Немецкие исследователи отмечают, что в следующем веке это понятие в качестве «Grundgesetze» (так же во множественном числе – «основные законы») пришло и в Германию. Мы со своей стороны обратим внимание, что исходное множественное число – «основные законы» – означает, что и терминология XVI в. понимала под «конституцией» законы, составляющие каркас публично-правового устройства. Такое понимание тоже связано, как нам представляется, с римским правосознанием и понятийным аппаратом римского права.

¹⁰ См., например: *Arist. Pol.* 1278 b 8: ἔστι δὲ πολιτεία πόλεως τάξις τῶν τε ἄλλων ἀρχῶν...; *Polyb.* VI. 3. 7: δῆλον γὰρ ὡς ἀρίστην μὲν ἡγήσαντο πολιτείας τὴν ἐκ πάντων τῶν προειρημένων ἰδιωμάτων συνεστώσαν

¹¹ См., например: *Erbse H.* Zur Entstehung des polybianischen Geschichtswerkes // *Rheinisches Museum für Philologie.* N. F. 1951. Bd. 94. S. 176; *idem.* Polybios-Interpretation // *Philologus.* 1957. Bd. 101. S. 269; *Aalders G. J. D.* Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968. P. 87; *Lintott A.* The Theory of the Mixed Constitution at Rome // *Philosophia Togata. II. Plato and Aristotle at Rome.* Oxford, 1997. P. 70-71; *Alonso-Núñez J. M.* The Mixed Constitution in Polybius // *Eranos. Acta Philologica suecana.* Vol. 97. Fasc. 1-2. Oslo-Copenhagen-Stockholm-Boston, 1999.

Цицерон употребляет выражение *rem publicam constituere*, когда отмечает государственно-правовое устройство или его изменения (*Cic. Leg. III. 12; Resp. I. 45; II. 21*)¹² Юрист Гай (*Inst. I. 1*) писал, что *constituere* означает создание права и «конструкцию» (способ расположения) созданного права.

Цицерон для перевода греческой *πολιτεία* использовал выражение *status rei publicae*, как обобщенный термин для обозначения государственных форм (демократии, аристократии, монархии) – *Cic. Resp. II. 64*

С конца XI в., благодаря рецепции римского права и формированию *ius commune* (первоначально в Болонье), латинские понятия *constitutio* и *status*, одно как «публично-правовой порядок», «государственное устройство» и другое, соответственно, как «государство», получают вторую жизнь, найдя в XIII в. подкрепление греческой традицией, актуализированной Фомой Аквинским обращением к Аристотелю. А с XVI столетия начинает использоваться понятие «основные законы», тоже базирующееся на понимании конституции как совокупности принципиальных норм государственного устройства.

Возникновение представления о конституции как об одном «основном законе» следует, на наш взгляд, связать лишь с эпохой революций XVII–XVIII в. Видимо, «содержательную» сторону такого понимания привнесли краткие правовые документы с концентрированным выражением достигнутых в государственной сфере революционных завоеваний, а «словесная оболочка» в дальнейшем была использована от *leges fundamentales*, но с вариантом единственного числа, поскольку стал иметься в виду только один вполне конкретный документ.

Первым в ряду таких актов следует, как нам кажется, назвать английский «Билль о правах» 1689 г., – принятие одного документа коренным образом изменило государственное устройство. Конечно, по завершении не только XVII, но и XVIII века в Англии не оказалось одного-единственного «основного закона», в отличие от Франции или США, что, видимо, и мешает исследователям выделить «английское звено» в качестве первого в цепочке формирования понятия конституции в том смысле, какой вложила в него новая история.

Итак, в любом случае, конституция как «основной закон» – понятие нового времени. Понимание конституции в качестве сведенных в одном письменном документе приоритетных правовых норм с высшим рангом

¹² См., например: *Cic. Leg. III. 12: Nam sic habetote, magistratibus iisque qui praesint contineri rem publicam, et ex eorum compositione, quod cuiusque rei publicae genus sit, intellegi. Quae res cum sapientissime moderatissimeque constituta esset a maioribus nostris... (Ибо вам следует твердо помнить: на магистратах и на тех, кто ведает делами, государство и держится, причем особенность того или иного государства можно понять на основании их состава. А так как наши предки, проявив величайшую мудрость и величайшую умеренность, создали государство, то мне почти не понадобилось вносить в законы что-либо новое.* Пер. В. О. Горенштейна)

применения, есть, по определению Вольфганга Райнхарда, «категория современной политической культуры»¹³

Отметим, что европейская правовая мысль далеко не всегда и не везде «сужает» содержание слова «конституция» до понятия «основной закон». Со всей наглядностью это проявилось в Англии, где, как уже отмечено, подобный «главный документ» отсутствует. Это, однако, не мешает британским авторам говорить и писать об «английской конституции». Тенденция более широко, чем «основной закон», трактовать понятие «конституция» отчетливо проявилась в первой трети XX в. и в немецкой юридической науке, в концепции одного из ее столпов – Карла Шмитта, который считал необходимым называть конституцией «совокупность политического единства и социального порядка»¹⁴ Он писал, что «не государство имеет конституцию, а государство есть конституция», т.е. конституцией является существующий в этом государстве порядок. Эта тенденция трактовать содержание понятия «конституция» в том смысле, который вкладывался в античности, средневековье и в эпоху Возрождения, устойчиво сохранялась в немецкой юридической литературе¹⁵ Она присутствует и в трудах сегодняшнего дня. Со всей наглядностью это продемонстрировала дискуссия в октябре 2001 г. в Вюрцбурге¹⁶ Следовательно, философия юриспруденции, ее теория не рассматривает и сегодня вопрос о содержании понятия «конституция» как решенный и окончательно закрытый даже применительно к современным конституциям. Тенденция расширительного толкования этого понятия, как мы видим, имеется.

Вернемся к конституции римского государства. Римская Республика, не имела письменно зафиксированной в одном документе конституции; неписанный *mos maiorum* (обычай предков) регулировал политико-правовые отношения наряду с писаными законами (*leges*) по отдельным сторонам публичной жизни. При этом обычное право было, по недавнему выражению Окко Берендса, сознательной правовой жизнью, жизнью на основе права, оно представляло собой нечто такое, что в совокупности укрепляет действие права¹⁷

Не имела письменно зафиксированной в одном документе конституции и Римская Империя, более того, «набор правовых документов», относящихся к основам государственного устройства, расширился. В период принципата к *leges* были приравнены *senatusconsulta* и правовые акты, исходившие от принципсов. Однако, мы полагаем, что вслед за самими римля-

¹³ Reinhard W. Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1999. S. 17-18.

¹⁴ Schmitt C. Verfassungslehre. München, Leipzig, 1928. S. 3-4.

¹⁵ Немецкую историографию проблемы до начала 90-х гг. см.: Mohnhaupt H. Grimm D. Verfassung... S. 3-5.

¹⁶ Verfassungsrecht und einfaches Recht Verfassungsgerichtbarkeit und Fachgerichtsbarkeit. Primär und Sekundärrechtsschutz im öffentlichen Recht. Berichte und Diskussionen auf der Tagung der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer in Würzburg vom 3. bis 6. Oktober 2001. Berlin, New York, 2002. - 549 s.

¹⁷ Behrends O. Die Gewohnheit des Rechtes und das Gewohnheitsrecht // Die Begründung des Rechts als Historisches Problem. München, 2002. S. 21.

нами мы вправе называть основополагающие устои римского государственного порядка в каждом хронологическом срезе «римской конституцией», ибо «римская конституция» понятие историческое и она далеко не во всем может быть описана в терминах и категориях сегодняшнего дня. Но она может и должна быть описана, исходя из римского понятийного аппарата. Поэтому мы считаем, что в правовом отношении использование термина «римская конституция», понимая под этим совокупность правовых норм, определявших функционирование римского государства на каждом этапе его развития, вполне корректно. Добавим, что в исследовательской литературе даже применительно к современным конституциям в виде «основного закона» отмечается неполнота «статического» их рассмотрения, конституции изменяются, дополняются, и отдельные законы актуализируют, как пишет Липпольд Райнер, содержание конституции¹⁸ Если конституции новейшего времени понимаются как динамично развивающиеся, то тем более правомерно рассматривать находившуюся в постоянном развитии «римскую конституцию» как особый государственно-правовой феномен, попадающий, тем не менее, под родовое определение «конституция».

Итак, учитывая латинскую этимологию слова «конституция» в новых европейских языках, понимание греческой и римской политико-философской и правовой мыслью «конституционных основ» античных государств, а также имеющийся в научной литературе теоретический анализ содержания понятия «конституция» применительно к современным государствам, мы считаем использование понятия «римская конституция» в юридическом отношении вполне корректным.

Остается вопрос об исторической корректности применения понятия «римская конституция». Этот вопрос возникает, в первую очередь, потому, что латинское слово *constitutio* использовалось римлянами по отношению к определенному виду законодательных актов – *constitutiones principum* («конституциям принцепсов»). Распространенным является представление, что конституции принцепсов – это собирательный термин для любых документов за подписью римских императоров. Так, Д. В. Дождев утверждает, что конституции принцепсов делились на «*edicta* (нормы общего действия, выставляемые *in albo* у резиденции принцепса), *decreta* (судебные решения, обычно в ответ на апелляцию на решение суда низшей инстанции) и *rescripta* (решения отдельных казусов)»¹⁹ Именно вследствие такой трактовки содержания понятия *constitutiones principum* и возникает вопрос об исторической корректности применения понятия «римская конституция» в значении основополагающих политико-правовых устоев государства. Ведь, если римляне использовали понятие *constitutiones* к отдельным судебным решениям и правовым казусам, то описание через этот термин главных, глобальных механизмов функционирования государства является неадекватным.

¹⁸ Reiner L. *Recht und Ordnung: Statik und Dynamik der Rechtsordnung*. Wien-Mainz, 2002. S. 525.

¹⁹ Дождев Д. В. *Римское частное право*. 2-е изд. М., 1999. С. 124.

Однако стоит внимательно рассмотреть, что понималось под конституциями принципсов римскими юристами. Фрагмент «Институций» Ульпиана, сохраненный в Дигестах Юстиниана (Dig. I.4.1. 1-2)²⁰ позволяет утверждать, что только то, что является законом из подписанных императором документов считается конституциями. Причем, во втором параграфе данного фрагмента уточняется: не является законом (получается, что и не входит в понятие «конституция»), то, что касается отдельных лиц, т.е. носит персональный характер.

В такой трактовке понятия «конституции принципсов» мы не оригинальны и не одиноки. Более 20-ти лет назад П. Куссмаул подчеркивал, что «различные рескрипты» (*diversa rescripta*) не могут быть названы *constitutio-nes*²¹ Солидаризировался с ним и Х. Монхаупт, подчеркивавший содержательную тождественность понятий *constitutio* (применительно к установлениям принципсов) и *lex*.

Понимание «конституций принципсов» в качестве только таких документов, которые равны законам, которые носят принципиальный, а не частный характер, снимает вопрос об исторической корректности использования понятия «римская конституция» в данном отношении. Ведь в таком случае конституции принципсов – это такие же основополагающие правовые документы, составлявшие каркас римского государственного устройства, какими были в архаический период *mores maiorum* или на протяжении длительной истории – *leges*.

Однако для ряда историков «некорректность» понятия «конституция римского государства» связана с проблематичностью использования применительно к римской архаике самого понятия «государство». Вопрос неоднократно ставился так: может ли Рим архаической эпохи быть назван государством? Дело в том, что иногда усматривают понятийный конфликт с некоторыми теориями, в первую очередь, позитивистской теорией права, в интесующем нас в данный момент отношении. Дефиницию государству в рамках этого подхода дал немецкий ученый Г. Еллинек на рубеже XIX-XX веков²² Согласно его учению, три элемента составляют государство: территория, народ, государственная власть. Отметим, что современные учебники, изданные в Германии на рубеже XX-XXI вв., исходят, преимущественно, из

²⁰ 1. Quodcumque igitur imperator per epistulam et subscriptionem statuit vel cognoscens decrevit vel de plano interlocutus est vel edicto praecipit, legem esse constat. Haec sunt quas vulgo constitutiones appellamus. 2. Plane ex his quaedam sunt personales nec ad exemplum trahuntur: nam quae princeps alicui ob merita indulsit vel si quam poenam introgavit vel si cui sine exemplo subvenit, personam non egreditur. («1. Таким образом, то, что император постановил путем письма или подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом. Это и есть то, что мы обычно называем конституциями. 2. Конечно, некоторые из них носят персональный характер и не воспринимаются в качестве примера: ведь если принципс к кому-либо за заслуги благоволил или наложил какое-либо наказание или если кому оказал беспрецедентную помощь, то это не распространяется дальше данного лица.» – Пер. Л. Л. Кофанова и И. С. Петеревского).

²¹ Kussmaul P. Pragmaticum und Lex. Formen spätrömischen Gesetzgebung 408-457. Göttingen, 1981. S. 76.

²² Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. (Das Recht des modernen Staates. I). 2. Aufl. Berlin, 1905.

этой концепции в трактовке государства²³ Если два первых элемента обычно признаются и за античными полисами, то третий элемент – государственная власть – может вызывать сомнения²⁴ Мы, однако, полностью соглашаемся с У Вальтером, написавшим, что он не видит никакого основания, из-за которого бы политическая организация античности не могла бы быть названа государством²⁵

По сути дела, проблема политической власти в архаическом Риме упирается вопрос о характере должностной власти магистратов. Отсутствие бюрократии, назначаемых чиновников не является показателем отсутствия государственной власти; власть высших магистратов, опиравшаяся на *imperium*, была, как нам стало отчетливо ясно в ходе изучения экстраординарных римских структур, публично-правовой властью. Эрнст Питц недавно написал, что должностные функции в Риме осуществлялись не столько на основе «права власти», сколько на основе почестей и престижа²⁶ В свое время Макс Вебер назвал Римскую Республику «*Honoratiorenherrschaft*», «*Honorationsverwaltung*»²⁷ Теодор Моммзен, несколько, видимо, преувеличив самостоятельность римских магистратур, справедливо рассматривал их одним из краеугольных оснований римской государственности (комиции – сенат – магистратуры). Франк Бене в одной из последних работ, посвященных Т. Моммзену, отметил: «Государство означает для Моммзена политическое силовое поле, которое создавалось из совместной игры трех институтов...»²⁸ Развивая этот тезис, добавим, что конституция римского государства – это правовые нормы, регулировавшие напряженность в данном силовом поле, корректировавшие импульсы, исходившие от каждого образующего его элемента. На каждом историческом отрезке они были своими, но уже для периода римской архаики мы вправе говорить о публичной власти, а, значит, – в условиях античной политической организации – о власти государственной.

Таким образом, нам представляется, что нет серьезных противопознаний ни с исторической, ни с правовой точки зрения для использования понятия «римская конституция». Попытки дать определение этому феномену в антиковедении, естественно, были, и отличались они достаточным разнообразием предложенных дефиниций. Альфред Хойс понимал под римской конституцией правовые нормы и совокупность компетенции государствен-

²³ *Waver Ch.* Politisches Grundwissen zu Staat und Verfassung. 2. Aufl. Stuttgart, München, Hannover, Berlin, Weimar, Dresden, 2002 (1. Aufl., 1997). S.1.

²⁴ См. об этом: *Walter U.* Der Begriff des Staates in der griechischen und römischen Geschichte // *Althistorisches Kolloquium aus Anlass des 70. Geburtstags von Jochen Bleicken.* Göttingen, 1996. S. 20-21.

²⁵ *Ibid.* S.21.

²⁶ *Pitz E.* Die griechisch-römische Ökumene und die drei Kulturen des Mittelalters. Berlin, 2001. S. 31.

²⁷ См об этом: *Winterling A.* Die Römische Republikim Werke Max Webers. Rekonstruktion- Kritik – Aktualität // *Historische Zeitschrift.* 2001. Bd. 273. Heft 3. S. 619-627. (WuG 1/SS. 154, Stadt, 190, 256, 293, 296, 299 WuG d. 5. S. 772, 797, 812, 814.)

²⁸ *Behne F.* Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // *Res publica reperta.* Stuttgart, 2002. S. 124.

ных институтов, создающих вместе «поразительное строение»²⁹ Христиан Майер разработал теорию «выраставшей» римской конституции, имея в виду изменявшийся реальный правовой порядок конкретного времени³⁰ Затем Х. Майер подобрал для выражения этого смысла другой термин и стал называть римскую конституцию «номистической»³¹

Ульрих фон Любтов считал, что под «римской конституцией» следует понимать не систему позитивных государственно-правовых норм, но общее положение политико-правового порядка и единство римского народа³² Он замечал, что ни конституция *res publica*, ни конституция принципата с точки зрения конституционной истории «не могут быть приведены к одному знаменателю: всегда окажется какой-нибудь остаток»³³ У фон Любтов имел в виду, что всегда что-либо из «римской конституции» не впишется в любое предложенное определение конституции. Согласимся, что, действительно, всякая дефиниция понятия «конституция» будет неполна, когда мы попытаемся соотнести ее с «римской конституцией» любого, даже совсем небольшого хронологического отрезка. «Римская конституция», охватывавшая, по нашему мнению, и государственно-правовые нормы, и политико-правовой порядок, всегда окажется явлением более многомерным, чем любой вариант общего определения. Но это не означает, что мы вообще должны отказаться от использования понятия «римская конституция». Полагаем, основываясь на всем сказанном, что оно в историко-правовом отношении адекватно отражаемому этим термином феномену.

²⁹ Heuß A. *Römische Geschichte*. Braunschweig, 1977. S. 37.

³⁰ Meier Chr. *Der Wandel der politisch-sozialen Begriffswelt im 5. Jahrhundert v. Chr. // Historische Semantik und Begriffsgeschichte*, 1978. S. 196.

³¹ Grziwotz H. *Der moderne Verfassungsbegriff und die „Römische Verfassung“ in der deutschen Forschung des 19. und 20. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1986. S. 372.

³² von Lübtow U. *Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht*. Frankfurt am Main, 1955. S. 11. См. об этой дефиниции: Grziwotz H. *Der moderne Verfassungsbegriff...* S. 251.

³³ von Lübtow U. *Op. cit.* S. 636.